

того времени, всѣ симпатичныя стороны тогдашняго православнаго общества и его членовъ. Важнѣйшія перемѣны въ церкви связывались съ его именемъ, милости къ православнымъ, по заявленію самого короля, дѣлались ради Константина Ивановича, который, рассчитывая на благосклонность короля и его расположеніе къ нему, являлся ходатаемъ передъ правительствомъ за православную церковь. Благодаря его хлопотамъ, просьбамъ, ходатайствамъ было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви въ Литвѣ, до него находившейся въ весьма неопредѣленномъ положеніи. При его содѣйствіи были приняты и отчасти осуществлены мѣры къ поднятію нравственнаго и духовнаго уровня православной массы, тѣмъ болѣе, что католичество, не имѣвшее тогда рьяныхъ дѣятелей, относилось къ православію равнодушно, благодаря ему же было опредѣлено положеніе епископовъ и соборянъ и много сдѣлано по устроенію патронатства—спорнаго вопроса между епископами и панами изъ за вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла. Дружба Константина Ивановича съ митрополитами, епископами и православными благочестивыми панами много содѣйствовала поднятію матеріальнаго благосостоянія церкви.

Но если главную долю своего вліянія Константинъ Ивановичъ употреблялъ на пользу церкви, то все-таки онъ не забывалъ и другихъ интересовъ русскаго населенія въ Литвѣ. Какъ носитель коренныхъ принциповъ и историческихъ традицій русской народности, Острожскій сдѣлался центромъ, вокругъ котораго дружно группировались всѣ лучшіе русскіе люди Бѣлоруссіи и Волыни: кн. Вишневецкіе, Сангушки, Дубровицкіе, Мстиславскій, Дашковы, Солтаны и др. Сознавая важную роль матеріальнаго благосостоянія, Константинъ Ивановичъ выхлопоталъ у короля много земель русскимъ людямъ, а подчасъ и самъ раздавалъ имъ угодыя.

О личной жизни Острожскаго извѣстія очень скудны. Насколько можно судить о частной жизни Константина Ивановича по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, она отличалась удивительной скромностью; «свѣтлицы» съ деревянными и некрашенными полами, изразцовыя печи, окна, «глиняные усы», иногда «папе-

ровыя» и «полотнянныя, насмоливанныя» лавки—вотъ и все внутреннее убранство дома могущественнѣйшаго и богатѣйшаго вельможи въ Литвѣ. Есть данныя предполагать, что и частная жизнь князя Острожскаго вполне соответствовала обстановкѣ его дома.

И самое послѣднее дѣло Константина Ивановича было направлено на пользу родного русскаго народа: пользовался расположеніемъ короля, онъ выпросилъ у него освобожденіе Луцка, въ виду татарскаго опустошенія, на 10 лѣтъ отъ платы господарскихъ податей и на 5 лѣтъ отъ платы старостинскихъ. Неизвѣстно точно, какое участіе князь Острожскій принималъ въ составленіи и изданіи Литовскаго Статута, но онъ радостно привѣтствовалъ это событіе. Умеръ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій уже въ преклонномъ возрастѣ и былъ погребенъ въ Киево-Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и понынѣ сохранилась его гробница.

А. Ярушевичъ—„Ревнитель православія, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и православная литовская Русь въ его время“ (Смоленскъ, 1897); Документы фамильнаго архива Острожскихъ печатаются подъ заглавіемъ: „Archiwum ksiąząt Lubartowiczów-Sanguszków w Sawucie“ (Львовъ, I—III, 1837—90); Niesiecki: „Herbarz Polski (Lipsk, 1841, VII); Акты западной Россіи, т. II—IV; Акты южной и западной Россіи, т. I—II; Архивъ юго-западной Россіи, т. II—IV; Стрыйковскій, Kronika, II; Stelebski: „Dwa wielkie swiatha na horyzoncie Polskiem, 1782, t. II; Карамзинъ—(изд. Эйнерлинга), VII; Соловьевъ—(изд. Товарищества Общественная польза), т. II; Сказанія Курбскаго—(изд. 2-е Спб. 1842); Герберштейнъ—„Записки о Московіи“ II; Максимовичъ—Сочиненія, томъ I; Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (рефератъ г. Романовскаго), Кіевъ, 1878; Памятники, изд. временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1859, т. IV, стр. 89—90; Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1875 №№ 15 и 18; Древняя и новая Россія, 1879, III, 366—68; Труды Кіевской Духовной Академіи, 1877, № 10; Шарапевичъ—„О первыхъ князьяхъ Острожскихъ“ („Галичанинъ“, сборникъ 1863, стр. 226); Зубрицкій—„Исторія Галичско-русскаго княжества“ Львовъ, 1852, I; Кояловичъ—„Чтенія по исторіи Зап. Россіи (изд. IV, Спб. 1884); Stebelski—Zywoty J. S. Eufrozyny Pałaskewy z genealogią ks. O. (Вильно, 1781—83). Е. Лисачъ.

Острожскій, князь *Константинъ (Василій) Константиновичъ*,—сынъ князя Константина Ивановича, воевода кіевскій, защитникъ православія въ Западной Руси; родился въ 1526 году, умеръ 13 февраля

время было основаніе известной Академіи въ городѣ Острогѣ, изъ которой вышло много замѣчательныхъ дѣятелей на нивѣ православія конца XVI и первой половины XVII вѣка. Подробныхъ свѣдѣній объ учрежденіи и характерѣ этого учебнаго заведенія мы не имѣемъ. Тѣ немногія данныя, которыя дошли до насъ, даютъ, однако, возможность нѣсколько опредѣлить, хотя и въ общихъ чертахъ, ея организацію. Эта школа, безъ сомнѣнія носившая характеръ высшей, была устроена по образцу западно-европейскихъ іезуитскихъ коллегій, и преподаваніе въ ней носило характеръ подготовки къ борьбѣ съ католичествомъ и іезуитами. Учителями въ ней были преимущественно греки, которыхъ Острожскій приглашалъ изъ Константинополя, по большей части изъ лицъ, приближенныхъ къ патриарху. «И на первый, читаемъ мы въ одной изъ современныхъ рукописей, старался у святѣйшаго патриарха, абы ся здѣ дидаскаловъ по размноженью наукъ вѣрѣ православной послалъ, а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуеть» Первымъ ректоромъ новой школы былъ ученый грекъ Кирилль Лукарисъ, человекъ европейски образованный, бывший впоследствии патриархомъ Константинопольскимъ. Въ школѣ учили чтенію, письму, пѣнію, русскому, латинскому и греческому языкамъ, діалектикѣ, грамматикѣ и риторикѣ; наиболее способные изъ окончившихъ школу отправлялись для усовершенствованія, на счетъ Острожскаго, въ Константинополь, въ высшую патриаршую школу. При школѣ находилась и богатая библіотека. Несмотря на то, что основаніе школы относится лишь къ 1580 году, въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка изъ ея воспитанниковъ и учителей составился обширный ученый кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ Острога и князя Константина Константиновича и одушевленный одной мыслью—бороться съ полонизмомъ и католицизмомъ за русскую народность и православную вѣру. Къ этому кружку принадлежали всѣ наиболее выдающіеся дѣятели Западной Руси: Герасимъ и Мелетій Смотрицкіе, Петръ Ковашевичъ-Сагайдачный, священникъ Демьянъ Наливайко, Стефанъ Зизаній, Іовъ Борецкій и многіе другіе. Значеніе этой школы было велико. Кромѣ значительнаго нравственнаго вліянія на западно-русское общество, кромѣ того, что изъ нея вышли

главнѣйшіе борцы за православную русскую идею въ юго-западной Руси, она важна тѣмъ, что была единственнымъ въ то время высшимъ православнымъ училищемъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ борьбу съ уніей и іезуитской пропагандой. Понимали важность ея и іезуиты. Известный Поссевинъ съ тревогой сообщалъ въ Римъ, что изъ этой школы питается «русскій расколъ».

Приходилось князю Острожскому принимать и прямое участіе въ дѣлахъ западно-русской православной церкви. Видя одно изъ главныхъ средствъ для борьбы съ католической пропагандой въ монашествѣ, Острожскій старался поднять его значеніе, устранить неурядицы въ жизни монастырей, усилить ихъ нравственную силу и вліяніе. Въ подчиненныхъ монастыряхъ князь Константинъ Константиновичъ заводилъ школы, привлекалъ въ нихъ образованныхъ монаховъ, ставилъ ученыхъ настоятелей. Для другихъ православныхъ монастырей Юго-западной Руси онъ печаталъ книги въ своихъ типографіяхъ, помогалъ имъ деньгами и «наданіями». Для того, чтобы побудить западно-русское монашество измѣнить праздный и распущенный образъ жизни, онъ напечаталъ въ своей Острожской типографіи, книгу святаго Василія Великаго о монашествѣ, вводилъ новый уставъ въ подчиненныхъ ему монастыряхъ, откуда мало-по-малу этотъ болѣе строгій и соответствующій идеаламъ монашества уставъ началъ переходить и въ другіе монастыри Западной Руси.

Сознавая важное значеніе братствъ въ жизни православной церкви, Константинъ Острожскій всѣми силами содѣйствовалъ ихъ процвѣтанію. Пользуясь своимъ вліяніемъ при польскомъ дворѣ и у константинопольскаго патриарха, онъ легко доставалъ для нихъ всевозможныя привилегіи, давалъ наставниковъ въ ихъ школы, доставлялъ шрифтъ въ ихъ типографіи, помогалъ имъ нравственно и матерьяльно. Особенно близкія отношенія были у князя Константина Константиновича со Львовскимъ православнымъ братствомъ, которому Острожскій довѣрилъ и воспитаніе своего сына.

Извѣстны старанія Константина Острожскаго и въ дѣлѣ устроенія высшей іерархіи западно-русской церкви. Главнымъ образомъ нужно было измѣнить личный составъ іерархіи, въ которомъ нерѣдко были люди

порочные. Острожский, пользуясь громаднымъ вліаніемъ при дворѣ, въ 1592 году выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда III право на патронатъ въ западно-русской православной церкви, что давало ему возможность самостоятельно избирать достойныхъ пастырей церкви, которые могли бы съ успѣхомъ нести служеніе и помогать Острожскому въ его нелегкой борьбѣ.

Между тѣмъ, пока всѣ эти реформы проводились въ жизнь, западно-русской церкви начала угрожать новая опасность въ формѣ уніи, съ которой Острожскому пришлось вынести также серьезную борьбу. Лично Константинъ Константиновичъ сначала былъ даже не прочь отъ уніи, но лишь при условіи, чтобы она была провозглашена вселенскимъ соборомъ, съ согласія и одобренія восточныхъ патріарховъ. Между тѣмъ нѣкоторые епископы, во главѣ съ Ипатіемъ Поцѣмъ, думали рѣшить дѣло домашнимъ способомъ, не спрашиваясь у патріарховъ, прямо по соглашенію съ римскимъ папой. Завязавшіяся по этому поводу сношенія между Острожскимъ и партіей уніатовъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Скоро отношенія обострились настолько, что, какъ было ясно для іезуитовъ, соглашенія быть не могло, и католическая партія рѣшила проводить унію помимо Острожскаго.

Главные дѣятели уніи—епископы Ипатій Поцѣй и Кирилль Терлецкій—успѣли склонить на свою сторону нерѣшительнаго кіевскаго митрополита Михаила Рагозу и добиться отъ него разрѣшенія созвать въ 1594 году соборъ въ Брестѣ для разсужденія объ уніи и связанныхъ съ нею вопросахъ. Къ собору сталъ готовиться и Острожскій съ православной партіей. Повидимому, то, что подготовлялъ князь Константинъ Константиновичъ для собора, было слишкомъ опаснымъ для уніатской партіи, и король Сигизмундъ III, ревностный католикъ и большой поклонникъ іезуитовъ, по наущенію католиковъ, декретомъ запретилъ соборъ, явно не желая допустить вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви. Между тѣмъ, князю Константину Константиновичу мало-по-малу пришлось стать съ королемъ и правительствомъ, явно покровительствовавшими католическимъ тенденціямъ іезуитовъ, въ очень натянутыя отношенія. Острожскій сталъ искать союзниковъ русской право-

славной партіи даже среди протестантовъ, притѣсняемыхъ іезуитами и реакціоннымъ польскимъ правительствомъ не менѣе православныхъ. Острожскій предполагалъ даже, что окажется необходимымъ защищать свою вѣру съ оружіемъ въ рукахъ. «Его королевское величество», писалъ князь Константинъ Константиновичъ вождямъ протестантскаго движенія, «не захочетъ допустить нападенія на насъ, потому что у насъ самихъ можетъ явиться двадцать тысячъ вооруженныхъ людей, а папезники могутъ превзойти насъ развѣ числомъ тѣхъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держатъ у себя вмѣсто женъ». Общее сочувствіе западно-русскаго населенія къ Острожскому и его партіи и ненависть къ католичеству и іезуитамъ росло съ каждымъ днемъ, и іезуиты рѣшили ускорить дѣло. Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, были съ почетомъ приняты папой Клементомъ VIII, и отъ лица западно-русскихъ іерарховъ предложили подчиненіе западно-русской церкви. Острожскій, услышавъ объ этомъ событіи, разумѣется, отнесся къ нему съ негодованіемъ и выпустилъ свое первое посланіе къ русскому народу, въ которомъ увѣщевалъ западно-русскихъ людей не поддаваться на уловки іезуитовъ и папистовъ и всѣми силами противодѣйствовать введенію уніи. Посланія Острожскаго имѣли большое вліаніе на населеніе. Первыми поднялись казаки подъ начальствомъ Наливайки и начали громить имѣнія епископовъ, сочувствовавшихъ уніи, и западно-русскихъ пановъ, перешедшихъ въ католичество. Іезуиты видѣли, что ихъ дѣло, вслѣдствіе сопротивленія Острожскаго и его партіи, можетъ погибнуть и рѣшили по возможности скорѣе покончить его. На 6 октября 1596 года въ Брестѣ былъ назначенъ соборъ для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи. Острожскій немедленно далъ знать объ этомъ Александрійскому и Константинопольскому патріархамъ; тѣ прислали своихъ намѣстниковъ, съ которыми Острожскій и явился къ сроку въ Брестъ. Въ Брестѣ однако Острожскій уже нашелъ сторонниковъ уніи, которые, не ожидая православной партіи, начали соборъ и быстро подъ руководствомъ іезуита Петра Скарги рѣшили унію съ католичествомъ. 6 октября 1596 года начали соборъ и православные архіереи, подъ предѣтельствомъ экзарха Константинополь-

скаго патріарха Никифора и при дѣятельномъ участіи Острожскаго. Православный соборъ послалъ звать и уніатовъ, но тѣ отказались. Тогда православные епископы обвинили ихъ въ отступничествѣ и произнесли надъ ними отлученіе, отправивъ этотъ приговоръ митрополиту, предсѣдательствовавшему на уніатскомъ соборѣ. По интригамъ іезуитовъ, королевскіе послы, также присутствовавшіе на уніатскомъ соборѣ, рѣшили примѣнить репрессію къ православнымъ и обвинили патріаршаго намѣстника Никифора въ томъ, что онъ турецкій шпионъ. Обѣ стороны, разумѣется, начали жаловаться королю, но Сигизмундъ III принялъ сторону уніатовъ. Никифоръ былъ осужденъ на заточеніе, а на Острожскаго посыпались новыя обвиненія и нападки. Его обвиняли въ томъ, что онъ не укрѣпляетъ вѣранныхъ ему областей противъ возможнаго нашествія татаръ, требовали отъ него уплаты подымнаго сбора, котораго насчитали 40.000 копъ грошей. Однако Острожскій не рѣшался на рѣзкія дѣйствія противъ польскаго правительства, несмотря на то, что моментъ былъ очень благопріятенъ, и русское населеніе, до крайности возбужденное уніей и уже давно недовольное притѣсненіями польскихъ пановъ, легко бы поднялось на защиту своей вѣры и своей народности. Дальше личныхъ объясненій съ королемъ князь Острожскій не шелъ и даже сдерживалъ православную партію, осуждая вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе казаковъ Наливайки. Посылая въ 1600 году Львовскому братству декретъ польскаго сейма противъ православныхъ, Острожскій писалъ братчикамъ: «Посылаю вамъ декретъ послѣдняго сейма, противный народному праву и святой правдѣ, и даю вамъ не иной какой совѣтъ, какъ только, чтобы вы были терпѣливы и ожидали Божья милосердія, пока Богъ, по Своей благодати, не склонилъ сердца его королевскаго величества къ тому, чтобы никого не оскорблять и каждаго оставить при правахъ своихъ». Только въ своей Острожской типографіи князь Константинъ Константиновичъ до конца жизни велъ борьбу съ уніей и католичествомъ, печатая воззванія и книги противъ католиковъ и уніатовъ и поддерживая такимъ образомъ православное западно-русское населеніе въ тяжелой борьбѣ за свою вѣру. Умеръ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій въ

глубокой старости, 13 февраля 1608 года и былъ погребенъ въ Острогѣ въ Замоквой Богоявленской церкви. Изъ его дѣтей только одинъ,—князь Александръ, былъ православнымъ, другіе же два сына—князя Константинъ и Иванъ—и дочь—княжна Анна приняли католичество. Въ скоромъ времени перешли въ руки католиковъ и его типографія и училище, а въ 1636 году его внучка Анна Алоизія, явившись въ Острогъ, приказала вынуть кости князя изъ гробницы, вымыть ихъ, освятить по католическому обряду и перенести въ свой городъ Ярославль, гдѣ положила ихъ въ католической часовнѣ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, несмотря на такой, повидимому, неуспѣхъ своей дѣятельности, оказалъ однако громадныя услуги дѣлу русской народности въ западной Руси. По словамъ современниковъ, онъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировалась вся русская православная партія въ западной Руси. Своей типографіей и школой онъ оказалъ значительную нравственную и культурную поддержку православію въ борьбѣ съ католицизмомъ, а своимъ вліяніемъ и богатствомъ былъ полезенъ ему какъ крупная матеріальная сила. Умный и способный отъ природы, Острожскій понималъ важность для западной Руси переживаемыхъ моментовъ и напрягалъ всѣ силы для борьбы съ западно-европейской культурой, готовившейся, при помощи такого усовершенствованнаго аппарата, какъ іезуитскій орденъ, поглотить западно-русскую народность. Острожскій отрѣшился даже отъ личной карьеры: его рѣдко можно было встрѣтить при дворѣ, рѣдко онъ участвовалъ и въ походахъ, гдѣ легче всего было выдвинуться въ то время. Только въ 1579 году, въ угоду королю Стефану Баторію, онъ предпринялъ походъ на Сѣверскую область и этимъ закончилась его военная дѣятельность. Все же свое вліяніе и всѣ свои силы онъ направлялъ на защиту православія, которое въ значительной мѣрѣ обязано ему тѣмъ, что выдержало многолѣтнюю борьбу съ католичествомъ и католическимъ польскимъ правительствомъ.

Акты Западной Россіи т. III и IV; Акты Южной и Западной Россіи т. I—II; Archiwum książąt Lubortowiczów-Sanguszków w Słowucie, t. t. I—III; Danilowicz, „Skarbiec dyplomatów“ t. t. I—II (Wilno 1860—62); Архивъ Юго-Западной Россіи, т. II—IV; Мону-

menta confraternitatis Staurupigianaе Leopoliensis, t. I, p. I—II. (Leopoli, 1895); Сборникъ Муханова (по указателю); Памятники, издаанные временной комиссией для разбора древнихъ актовъ, т. IV (Кіевъ 1859); Stebelski, Przydatek do Chronologjy, t. III (Wilno 1783); Кулишъ, „Матерьялы для исторіи позсоединенія Руси“, т. I—II; Каратаевъ, „Описание славяно-русскихъ книгъ“ т. I (Спб. 1883); „Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“ подъ ред. Иванішева (1849 г.); Сказанія князя Курбскаго (изд. 2-ое, Спб. 1842); Русская Историческая Библиотека, т. IV, VII, XIII; Scriptores rerum polonicarum, t. t. I—III; (Kraków 1872—1875); Сахаровъ, „Обозрѣніе славяно-русской библиографіи“ (1849 г.); Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни (изд. техн.-строит. отд. Волыни Губ. Правл.), вып. I—II (1862 и 1872 гг.); Сопиковъ, „Опытъ Россійской библиографіи“ ч. I, №№ 69, 109, 193, 435, 464, 670, 750, 752, 987, 1,447; „Изъясненіе Граблики; Батюшковъ, „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ (8 т. т. 1868—1885, по указателямъ); Stebelski, „Żywoty S. S. Eufrozyny i Paraskiewy z genealogią książąt Ostrogskich“; Лебединцевъ, „Матеріалы для исторіи Кіевской митрополіи“ („Кіевск. Епарх. Вѣдом.“ за 1873 г.); Boniecki, „Rozzet rodów w Koronie i W. Ks. Litewskim XVI wieku“ (Warsz. 1837); Wolff, „Kniaziowie Litewsko-Ruscy“ (Warsz. 1895); Макарій, „Исторіи русской церкви“, т. VII, VIII и IX; Nagbutt, „Dzieje narodu polskiego“ t. t. IX—X; Дашковичъ, „Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ“ („Кіевск. Унив. Извѣстія“ 1884, X—XII); Кояловичъ, „Литовская Церковная Унія“ т. I; Бантышъ-Каменскій, „Историческое извѣстіе о бывшей въ Польшѣ уніи“; Члстовичъ, „Исторіи западно-русской церкви“ (Спб. 1884) ч. II; „Журналъ Минист. Народ. Просв.“ 1849, IV; „Князь Константинъ (Василій) Острожскій“ („Православный Собесѣдникъ“ 1858, II—III); „Начало уніи въ юго-западной Руси“ („Правосл. Собесѣдн.“ 1858, IV—X); Максимовичъ, „Письма о князьяхъ Острожскихъ“ (Кіевъ 1866); Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, вып. III (Спб. 1874) 535—563; Перльштейнъ, „Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ.“ („Временникъ Московск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1852, кн. XIV, отд. I); „Кіевлянинъ.“ 1840 г. кн. I; Еленевскій, „Константинъ II князь Острожскій“ („Вѣстникъ Западной Россіи“ 1869, VII—IX); Зубрицкій, „Начало уніи“ („Чтенія Московск. Общ. Исторіи Древн. 1848, № 7); Батюшковъ, „Волынь“ Спб. 1888); А. Андріяшевъ, „Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій“ (Кіевскій Народный Календарь на 1881 годъ); „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1876, №№ 3 и 4; 1877, № 10, 1886, № 1; митрон. Евгеній, „Словарь писателей духовнаго чина“; Вишневецкій, „Исторія литературы польской“ т. VIII; митрон. Евгеній, „Описание Кіево-Софійскаго собора“; Петровъ, „Очеркъ исторіи православной школы на Волыни“ („Труды Кіевской Духовной Акад.“ 1867);

Лукьяновичъ, „Объ Острожской школѣ“ („Волынскія Епархіальн. Вѣдомости“ 1881); Харламповичъ, „Острожская православная школа“ („Кіевская Старина“ 1897, № 5 и 6); „Кіевская Старина“ 1883, № 11, 1885, № 7, 1882, № 10; Архангельскій, „Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и 1-ой половины XVII вѣка“ (1888); Селецкій, „Острожская типографія и ея изданія“ (Почаевъ, 1885); Максимовичъ, „Историческія монографіи“, т. III; „Труды Кіевского Археологическаго Съѣзда“, г. II; „Древняя и Новая Россія“ 1876, IX, 1879, III; Демьяновичъ, „Иезуиты въ Западной Россіи“; „Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, т. I стр. 79—81; „Волынскія Епархіальн. Вѣдомости“ 1875, № 2; Солецкій, „Острожская библия“ („Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1884, VII); Левицкій, „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI вѣка и уніи“ (Кіевъ 1881); Карамзинъ, (Изд. Эйперлинга) т. X; Соловьевъ (изд-ва „Общ. Пользы“, т. II и III.

Е. Лихачъ.

Острожскій - Лохвицкій, Иванъ Осиповичъ, засѣдатель нижняго земскаго суда въ Новомъ Осколѣ, авторъ записокъ; родился въ 1749 году и былъ сыномъ сотника; служилъ съ 1780 по 1783 годъ, сначала секретаремъ нижняго земскаго суда въ Новомъ-Осколѣ, а затѣмъ въ курской казенной палатѣ. Далѣе, съ 1787 по 1790 г. состоялъ, по выборамъ, засѣдателемъ въ нижнемъ земскомъ судѣ въ Новомъ-Осколѣ, въ 1794 году на ту-же должность избранъ вторично. Острожскій оставилъ послѣ себя любопытныя записки, обнимающія время съ 1771 по 1825 годъ и рисующія безыскусственно, но очень ярко тогдашній бытъ помещиковъ средней руки, различныхъ «дѣльцовъ» и порядки въ казенныхъ учрежденіяхъ. Записки И. О. Острожскаго-Лохвицкаго, умершаго 25-го октября 1825 года, были продолжены его сыномъ, Петромъ Ивановичемъ, до 1846 года, но эта послѣдняя часть представляетъ уже гораздо меньшій интересъ. Записки, подъ заглавіемъ «Записки Ново-Оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго», напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г., №№ 2, 3, 4, 5, 10, 11 и 12.

„Кіевск. Стар.“ 1886, № 2—5, 10—12.

Остромиръ, — въ крещеніи *Иосифъ*, четвертый, по списку, новгородскій посадникъ, заказчикъ древнѣйшей, изъ дошедшихъ до насъ, датированной кирилловской рукописи, извѣстной подъ именемъ «Остромирова евангелія». Въ 1054 г. былъ поставленъ посадникомъ въ Новгородѣ великн. Изяславомъ Ярославичемъ, которому

того времени, всѣ симпатичныя стороны тогдашняго православнаго общества и его членовъ. Важнѣйшія перемѣны въ церкви связывались съ его именемъ, милости къ православнымъ, по заявленію самого короля, дѣлались ради Константина Ивановича, который, рассчитывая на благосклонность короля и его расположеніе къ нему, являлся ходатаемъ передъ правительствомъ за православную церковь. Благодаря его хлопотамъ, просьбамъ, ходатайствамъ было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви въ Литвѣ, до него находившейся въ весьма неопредѣленномъ положеніи. При его содѣйствіи были приняты и отчасти осуществлены мѣры къ поднятію нравственнаго и духовнаго уровня православной массы, тѣмъ болѣе, что католичество, не имѣвшее тогда рьяныхъ дѣятелей, относилось къ православію равнодушно, благодаря ему же было опредѣлено положеніе епископовъ и соборянъ и много сдѣлано по устроенію патронатства—спорнаго вопроса между епископами и панами изъ за вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла. Дружба Константина Ивановича съ митрополитами, епископами и православными благочестивыми панами много содѣйствовала поднятію матеріальнаго благосостоянія церкви.

Но если главную долю своего вліянія Константинъ Ивановичъ употреблялъ на пользу церкви, то все-таки онъ не забывалъ и другихъ интересовъ русскаго населенія въ Литвѣ. Какъ носитель коренныхъ принциповъ и историческихъ традицій русской народности, Острожскій сдѣлался центромъ, вокругъ котораго дружно группировались всѣ лучшіе русскіе люди Бѣлоруссіи и Волыни: кн. Вишневецкіе, Сангушки, Дубровицкіе, Мстиславскій, Дашковы, Солтаны и др. Сознавая важную роль матеріальнаго благосостоянія, Константинъ Ивановичъ выхлопоталъ у короля много земель русскимъ людямъ, а подчасъ и самъ раздавалъ имъ угодыя.

О личной жизни Острожскаго извѣстія очень скудны. Насколько можно судить о частной жизни Константина Ивановича по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, она отличалась удивительной скромностью; «свѣтлицы» съ деревянными и некрашенными полами, изразцовыя печи, окна, «глиняные усы», иногда «папе-

ровыя» и «полотнянныя, насмоливанныя» лавки—вотъ и все внутреннее убранство дома могущественнѣйшаго и богатѣйшаго вельможи въ Литвѣ. Есть данныя предполагать, что и частная жизнь князя Острожскаго вполне соответствовала обстановкѣ его дома.

И самое послѣднее дѣло Константина Ивановича было направлено на пользу родного русскаго народа: пользовался расположеніемъ короля, онъ выпросилъ у него освобожденіе Луцка, въ виду татарскаго опустошенія, на 10 лѣтъ отъ платы господарскихъ податей и на 5 лѣтъ отъ платы старостинскихъ. Неизвѣстно точно, какое участіе князь Острожскій принималъ въ составленіи и изданіи Литовскаго Статута, но онъ радостно привѣтствовалъ это событіе. Умеръ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій уже въ преклонномъ возрастѣ и былъ погребенъ въ Киево-Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и понынѣ сохранилась его гробница.

А. Ярушевичъ—„Ревнитель православія, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и православная литовская Русь въ его время“ (Смоленскъ, 1897); Документы фамильнаго архива Острожскихъ печатаются подъ заглавіемъ: „Archiwum ksiąząt Lubartowiczów-Sanguszków w Sawucie“ (Львовъ, I—III, 1837—90); Niesiecki: „Herbarz Polski (Lipsk, 1841, VII); Акты западной Россіи, т. II—IV; Акты южной и западной Россіи, т. I—II; Архивъ юго-западной Россіи, т. II—IV; Стрыйковскій, Kronika, II; Stelebski: „Dwa wielkie swiatha na horyzoncie Polskiem, 1782, t. II; Карамзинъ—(изд. Эйнерлинга), VII; Соловьевъ—(изд. Товарищества Общественная польза), т. II; Сказанія Курбскаго—(изд. 2-е Спб. 1842); Герберштейнъ—„Записки о Московіи“ II; Максимовичъ—Сочиненія, томъ I; Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (рефератъ г. Романовскаго), Кіевъ, 1878; Памятники, изд. временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1859, т. IV, стр. 89—90; Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1875 №№ 15 и 18; Древняя и новая Россія, 1879, III, 366—68; Труды Кіевской Духовной Академіи, 1877, № 10; Шарапевичъ—„О первыхъ князьяхъ Острожскихъ“ („Галичанинъ“, сборникъ 1863, стр. 226); Зубрицкій—„Исторія Галичско-русскаго княжества“ Львовъ, 1852, I; Кояловичъ—„Чтенія по исторіи Зап. Россіи (изд. IV, Спб. 1884); Stebelski—Zywoty J. S. Eufrozyny Pałaskewy z genealogią ks. O. (Вильно, 1781—83). Е. Лисачъ.

Острожскій, князь *Константинъ (Василій) Константиновичъ*,—сынъ князя Константина Ивановича, воевода кіевскій, защитникъ православія въ Западной Руси; родился въ 1526 году, умеръ 13 февраля

1608 года. Князь Константинъ Константиновичъ, названный при крещеніи Василиемъ (Константиномъ его называли по имени отца), остался по смерти отца малолѣтнимъ и былъ воспитанъ своей матерью, второй женой князя Константина Ивановича, княгиней Александрой Семеновной, рожденной княжной Слуцкой. Дѣтство и ранніе юношескіе годы онъ провелъ въ наслѣдственномъ городѣ своей матери Туровѣ, гдѣ, подъ руководствомъ наиболѣе ученыхъ и опытныхъ учителей того времени, получилъ очень тщательное воспитаніе въ православномъ русскомъ духѣ. Достигши совершеннолѣтія, князь Константинъ Константиновичъ женился на дочери богатаго и знатнаго галицкаго магната графа Тарновскаго — Софіи, и началъ вести обычный образъ жизни богатыхъ западно-русскихъ пановъ. Общественная и государственная дѣятельность, повидимому, очень мало интересовала его въ этотъ періодъ жизни. Однако и теперь ему уже пришлось столкнуться съ іезуитскимъ вліяніемъ, съ которымъ впоследствии князь Константинъ Константиновичъ энергично боролся до конца своей жизни. Іезуиты съумѣли вторгнуться въ его семейную жизнь, и старались привлечь на свою сторону представителей вліятельнаго дома князей Острожскихъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе съ ихъ помощью заняться пропагандой католицизма среди западно-русскаго православнаго населенія. Іезуиты успѣли склонить на свою сторону невестку князя Константина Константиновича, княгиню Беату, и съ ея помощью думали склонить къ переходу въ католицизмъ и ея дочь Елизавету. Острожскій вступился за свою любимую племянницу и успѣлъ выдать ее замужъ за православнаго князя Дмитрія Сангушко. Благодаря интригамъ Беаты и іезуитовъ, Сангушко былъ осужденъ и бѣжалъ въ Чехію, но по дорогѣ былъ убитъ, а Елизавета возвращена въ Польшу и насильно выдана замужъ за поляка и ревностнаго католика графа Гурка. Острожскій силой вступился за права племянницы, вступилъ въ борьбу съ іезуитами и Гуркой, но Елизавета, не выдержавъ тяжелаго положенія и травли іезуитовъ, сошла съ ума. Острожскій взялъ ее къ себѣ въ Острогъ, гдѣ несчастная и жила до самой своей смерти. Разумѣется, этотъ случай сильно вооружилъ князя противъ іезуитовъ и навсегда

сдѣлалъ его непримиримымъ врагомъ этого ордена.

Между тѣмъ, въ Западной Руси для православныхъ наступили очень трудныя времена. Русское населеніе, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ польской цивилизаціи, уже со времени соединенія Литвы и Польши все болѣе поддавало вліянію западно-европейскихъ формъ польской культуры и цивилизаціи. Вліяніе польской культуры сказалось и на вѣрованіяхъ русскаго населенія. Западно-русскіе магнаты ранѣе прочихъ начали мѣнять вѣру своихъ отцовъ и принимать католицизмъ; за ними послѣдовали многіе фамиліи изъ средняго класса и только крестьяне крѣпко держались православія, несмотря на всѣ притѣсненія и угнетенія со стороны своихъ помѣщиковъ-католиковъ. Быстрому окатоличенію русскаго населенія не мало способствовала и Люблинская унія 1569 года, еще тѣснѣе соединившая Польшу и литовско-русское государство и давшая полную возможность полякамъ съ большимъ успѣхомъ распространять католицизмъ среди православнаго русскаго населенія. Напрасно князь Острожскій съ немногими другими западно-русскими вельможами, желавшими отстоять политическую и религіозную самостоятельность западно-русскаго народа, боролись противъ введенія этой уніи: ихъ было слишкомъ мало, и они должны были примириться съ совершившимся фактомъ. Значительно помогли дѣлу окатоличенія русскихъ и іезуиты, призванные въ Польшу для борьбы съ проникавшимъ съ Запада протестантизмомъ, но обратившіеся и противъ православія. Они начали проникать въ семьи наиболѣе вліятельныхъ знатныхъ магнатовъ и склонять ихъ на свою сторону, понемногу забирали въ свои руки образованіе юношества, учреждали свои коллегіи и училища и пр., и быстро, при помощи польскаго правительства, пріобрѣтали все большее вліяніе на ходъ общественной жизни въ Польшѣ и Литвѣ. Западно-русское духовенство и православное населеніе не могло успѣшно бороться съ этимъ организованнымъ и не стѣсняющимся въ средствахъ обществомъ монаховъ. Само духовенство было необразовано, представители высшей іерархіи, происходившіе болѣею частью изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій нерѣдко смотрѣли на свой санъ,

какъ на выгодное и доходное мѣсто, и завидовали той роскоши и великолѣпію, которыми окружали себя католическіе епископы. Корыстолюбіе, распущенность нравовъ господствовали среди православнаго духовенства. Масса православнаго населенія находила поддержки среди своихъ духовныхъ пастырей. Католическая пропаганда на такой благопріятной почвѣ широко развивалась среди православнаго западно-русскаго населенія, захватывая не только высшіе западно-русскіе классы, но и распространяясь среди средняго и низшаго сословія.

Выступивъ на арену общественной дѣятельности въ такое трудное для православія и русской народности время, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, съ дѣтства воспитанный на русскіхъ православныхъ началахъ, не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ этихъ событій. Условія, въ которыхъ онъ находился, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали его дѣятельности. Отъ своихъ предковъ онъ получилъ кромѣ знатнаго имени, громадныя богатства: въ его владѣніи находилось 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній, доходъ съ которыхъ достигалъ колоссальной по тому времени цифры 1.200.000 злотыхъ въ годъ. Его выдающееся положеніе въ западно-русскомъ обществѣ, вліяніе при дворѣ и высокое сенаторское званіе придавали его личности большую силу и вліяніе. Равнодушный къ дѣламъ церкви и своего народа въ началѣ своей дѣятельности, Острожскій въ 70-хъ годахъ начинаетъ уже ближе интересоваться этими важными вопросами. Его замокъ дѣлается открытымъ для всѣхъ ревнителей православія, для всѣхъ тѣхъ, кто искалъ заступничества отъ польскихъ пановъ и католическихъ монаховъ. Хорошо понимая, въ чемъ заключались язвы современной ему западно-русской жизни, онъ при своемъ умѣ легко нашелъ и выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя была поставлена западно-русская православная церковь. Острожскій понималъ, что только развитіемъ просвѣщенія среди массы западно-русскаго населенія и поднятіемъ нравственнаго и образовательнаго уровня православнаго духовенства, можно достигнуть, нѣкоторыхъ успѣховъ въ борьбѣ съ организованной пропагандой іезуитовъ и католическихъ ксендзовъ. «Мы охладѣли къ вѣрѣ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ

посланій, «а наши пастыри не могутъ насъ ничему научить, не могутъ постоять за Божью церковь. Нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ Божья слова». Ближайшимъ средствомъ для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія среди западно-русскаго населенія было изданіе книгъ и учрежденіе школъ. Эти средства давно уже съ большимъ успѣхомъ примѣняли іезуиты въ цѣляхъ своей пропаганды; не отказался отъ этихъ средствъ и князь Острожскій. Самою настоятельною потребностію для православнаго западно-русскаго населенія было изданіе Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. За это дѣло прежде всего и принялся Острожскій. Нужно было начать съ устройства типографіи. Острожскій не жалѣлъ для этого ни денегъ, ни силъ. Онъ выписалъ шрифтъ и привлекъ къ себѣ изъ Львова извѣстнаго печатника, работавшаго ранѣе въ Москвѣ, Ивана Ѳедорова и всѣхъ его сотрудниковъ. Для того, чтобы изданіе библии было болѣе исправно, Острожскій отовсюду выписывалъ рукописные списки книгъ Священнаго писанія. Главный списокъ онъ досталъ изъ Москвы, изъ бібліотеки царя Ивана Васильевича Грознаго, при посредствѣ польскаго посла Гарабурды; доставалъ Острожскій списки и изъ другихъ мѣстъ: отъ константинопольскаго патріарха Іеремии, съ Крита, изъ сербскихъ, болгарскихъ, и греческихъ монастырей, завелъ даже сношенія по этому поводу съ Римомъ и досталъ «много и иныхъ библий, различныхъ письменъ и языковъ». Кромѣ того, въ его распоряженіи было и первое изданіе Библии на русскомъ языкѣ, напечатанное въ чешской Прагѣ докторомъ Францискомъ Скориною. По просьбѣ Острожскаго, патріархъ Іеремиа и нѣкоторые другіе видные церковные дѣятели прислали ему и людей, «наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ, эллинскихъ и словенскихъ». Пользуясь указаніями и совѣтами всѣхъ этихъ знающихъ людей, Острожскій началъ разбирать весь присланный матерьялъ. Скоро однако изслѣдователи были поставлены въ затруднительное положеніе, такъ какъ почти всѣ присланные Острожскому списки имѣли погрѣшности, неточности и разночтенія, вслѣдствіе чего нельзя было остановиться на какомъ либо спискѣ, взявъ его за основной текстъ. Острожскій рѣшилъ послѣдовать совѣту своего друга, извѣстнаго князя Андрея Курбскаго, жив-

шаго въ то время на Волини, и печатать Библию «на церковно-славянскомъ языкѣ» не съ перепорченныхъ книгъ жидовскихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ». Послѣ долгой и трудной работы, въ 1580 году, наконецъ, появились «псалтырь и Новый Заветъ» съ алфавитнымъ указателемъ къ послѣднему, «скорѣйшаго ради обрѣтенія вещей нужнѣйшихъ». Изданіе это, распространившееся въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, удовлетворяло потребностямъ православныхъ церквей и частныхъ обывателей. Это изданіе Библии послужило образцомъ и для московскаго изданія, вышедшаго значительно позднѣе.

Но дѣятельность типографіи Острожскаго на этомъ не остановилась. Нужно было бороться съ католическимъ вліяніемъ, все болѣе усиливавшимся въ Западной Руси. Острожскій для этой цѣли началъ издавать рядъ книгъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для поднятія просвѣщенія и борьбы съ латинствомъ. Изъ богослужебныхъ книгъ имъ изданы часословъ (1598 г.), требникъ и молитвословъ (1606 г.). Для борьбы съ латинствомъ и католической пропагандой имъ изданы: посланія патріарха Іереміи въ Вильну ко всѣмъ христіанамъ, къ князю Острожскому, къ кіевскому митрополиту Онисифору (1584 г.), сочиненіе Смотрицкаго «Календарь римски новы» (1587 г.), книга свящ. Василія «о вѣрѣ единой», направленная противъ іезуита Петра Скарги, написавшаго книгу о соединеніи церквей подъ властью римскаго папы (1588 г.). «Исловѣданіе о схожденіи св. Духа», сочиненіе Максима Грека (1588 г.) посланія патріарха Мелетія (1598 г.), его же «Диалогъ противу схизматиковъ». Въ 1597 г. въ Острожской типографіи былъ изданъ «Апокризисъ», въ отвѣтъ на книгу уніатовъ, написанную въ защиту правильности дѣйствій Брестскаго собора. Кромѣ того, изъ Острога вышли слѣдующія книги: книга Василія Великаго о постничествѣ (1594 г.), «Маргаритъ» Іоанна Златоустаго (1596 г.), «Вирши» на отступниковъ, Мелетія Смотрицкаго (1598 г.). «Азбука» съ краткимъ словаремъ и православнымъ Катихизисомъ, Лаврентія Зизанія и др.. Въ концѣ своей жизни князь Острожскій выдѣлилъ часть своей типографіи и перевелъ ее въ принадлежавшій ему Дерманскій монастырь, гдѣ во главѣ печатнаго дѣла сталъ ученый и

умный священникъ Демьянъ Наливайко. Здѣсь были напечатаны и изданы: Богослужебный Октоихъ (1603 г.), полемическій листъ патріарха Мелетія къ епископу Ипатію Поцѣю по поводу введенія уніи (1605 г.) и др. Дерманскія изданія отличались той особенностью, что они печатались на двухъ языкахъ: литовско-русскомъ и церковно-славянскомъ, что, разумѣется, только способствовало ихъ большому распространенію среди массы западно-русскаго населенія. Уже передъ самой своей смертью Острожскій основалъ третью типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ, куда отправилъ часть шрифта и типографскихъ принадлежностей. Эта типографія, результатъ дѣятельности которой князю Острожскому увидѣть не пришлось, послужила основаніемъ для знаменитой впоследствии кіево-печерской типографіи, бывшей въ XVII вѣкѣ главной поддержкой православія въ юго-западной Руси.

По основывая типографіи и печатая въ нихъ книги, Острожскій хорошо понималъ, что дѣло просвѣщенія народа этимъ еще далеко не исчерпывается. Онъ сознавалъ необходимость просвѣщенія духовенства, необходимость созданія духовной школы для подготовки священниковъ и духовныхъ учителей, невѣжество и неподготовленность которыхъ ему были ясны. «Не отъ чего много размножилось между людьми такое лѣнивство и отступленіе отъ вѣры, писалъ Острожскій въ одномъ изъ своихъ посланій, яко отъ того ижъ устали учителя, устали проповѣдатели слова Божого, устали науки, устали казанья, а за тымъ наступило обнищанье и уменьшенье хвалы Божое въ церкви Его, наступилъ голодъ слуханья слова Божого, наступило отступленіе отъ вѣры и закону». Уже съ самаго начала своей дѣятельности Острожскій началъ въ подчиненныхъ ему городахъ и монастыряхъ устраивать школы: такъ, отдавая въ 1572 году принадлежавшую ему землю въ Туровѣ Димитрію Митуричу, князь Константинъ Константиновичъ поставилъ условіемъ «школу тамъ держати». При матеріальной и нравственной поддержкѣ Острожскаго, основывались и другія школы въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Руси; княземъ Константиномъ Константиновичемъ поддерживались, кромѣ того, братскія школы, сыгравшія немалую роль въ борьбѣ съ католицизмомъ. Но главнымъ дѣломъ Острожскаго въ это